

Антуан Оренов
и Михаил
Вышеславцев:
светские учителя
в Троицкой семинарии
последней четверти
XVIII века

Antoine Orenov
and Mikhail
Vysheslavtsev:
Secular Teachers at
the Trinity Seminary
in the Last Quarter
of the 18th Century

Екатерина Игоревна
Кислова

Ekaterina I. Kislova

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье приводятся новые архивные данные, позволяющие реконструировать историю двух светских преподавателей французского и немецкого языков, работавших в Троицкой семинарии в 1780-х гг., — Антуана Оренова и Михаила Вышеславцева. Несмотря на разницу в происхождении (пастор-иностранец и русский дворянин), оба они оказывались «аномалией» в духовной среде. На основе новых архивных находок удалось скорректировать даты жизни и подробности биографии М. М. Вышеславцева, поэта и переводчика рубежа XVIII–XIX вв. В статье восстанавливаются причины появления светских учителей в семинарии, их положение в духовном социуме и включенность в преподавание французского и немецкого языков

Цитирование: Кислова Е. И. Антуан Оренов и Михаил Вышеславцев: светские учителя в Троицкой семинарии последней четверти XVIII века // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 2. С. 159–187

Citation: Kislova E. I. (2025) Antoine Orenov and Mikhail Vysheslavtsev: Secular Teachers at the Trinity Seminary in the Last Quarter of the 18th Century. *Slověne*, Vol. 14, № 2, p. 159–187.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.2.06

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

и других предметов. Таким образом реконструируется интересная модель культурного и социального взаимодействия, в целом не характерная для семинарской среды этого периода, но, как оказывается, вполне возможная.

Ключевые слова

Антуан Оренов, М. М. Вышеславцев, Платон (Левшин), Троицкая семинария, французский язык, немецкий язык

Abstract

The article presents new archival data that provide reconstruction of the history of two secular French and German teachers who worked at the Trinity Seminary in the 1780s: Antoine Orenov and Mikhail Vysheslavtsev. Despite their different backgrounds (a foreign pastor and a Russian nobleman), both of them were anomalies in the clergy environment. New archival findings allowed rectifying the age and details of a poet and translator of the late 18th and early 19th centuries Mikhail Vysheslavtsev's biography. The article reconstructs the reasons for their appearance in the seminary as teachers, their position, and their involvement in teaching French, German, and other subjects. This reconstruction reveals an interesting model of cultural and social interaction that was not typical of the seminary environment during this period, but was, as it turns out, possible.

Keywords

Antoine Orenov, M. M. Vysheslavtsev, Platon Levshin, Trinity Seminary, French language, German language

Настоящая статья родилась в процессе работы над биографиями Антуана Оренова и Михаила Вышеславцева для словаря «Language Teachers in 18th-Century Russia: A Biographical Dictionary», который создается в настоящее время под руководством В. С. Ржеуцкого. Однако, как это часто случается, сюжет, вставший за скупыми листами архивных документов, перерос формат словарной статьи и начал обретать масштабы отдельной истории, в которой отразилось и не всегда ожидаемое нами взаимодействие носителей разных культур в рамках XVIII века.

Имя Антуана (Антон) Оренова (Антон) Андреевича Оренова или Antoine Orenove) — учителя Троицкой лаврской семинарии — было известно еще в XIX в.: оно встречается в «Истории Троицкой лаврской семинарии» С. К. Смирнова [Смирнов 1867], где сообщается, что Оренов был принят на должность учителя французского и немецкого языков 19 февраля 1785 г., «учил вместе с тем сфере и географии и еще голландскому языку, и до августа преподавал в качестве помощника Сокольского, а после него сделан самостоятельным учителем» [Смирнов 1867: 511].

Сам по себе факт поступления иностранца — француза — в качестве учителя в семинарию в это время не является чем-то уникальным:

начиная с середины XVIII в. в семинариях все активнее устраивались классы европейских языков, и иногда на начальном этапе на должности учителей приглашались иностранцы, уже работавшие в светских школах или пансионах. Их работа в учебных заведениях для детей неизбежно вызывала вопросы о разнице вероисповеданий и закономерные подозрения о возможности негативного влияния на учеников — не только дворян, но и детей других сословий: например, ректор Смоленской семинарии, епископ Гедеон (Вишневецкий) в 1752 г. потребовал запретить публичную школу «графа Егора Александровича фон-Ранца», католика, в которой тот обучал 12 детей разных сословий французскому и немецкому языку: «...ибо опасно и сумнительно есть, дабы мало-возрастные дети под его едином учением и присмотром, аки инорелигиозного человека, не навыкли какового противу веры благочестивыя восточныя греко-российского исповедания противного наставления» [Сперанский 1892: 46]. Одновременно он предложил преподавать ему в Смоленской епархиальной школе «под присмотром ректора» [Ibid.]. Обычно иностранцы не преподавали в семинариях дольше 1–2 лет, достаточных для подготовки «замены» себе из числа студентов: эта работа прямо вменялась им в обязанность (см. [Кислова 2016]). Поэтому в сообщении Смирнова странным выглядит только работа иностранца в качестве помощника уже имевшегося русского учителя, а также голландский язык, который он якобы преподавал ученикам.

Открытие Московского университета создало еще одну возможность для подготовки преподавателей «из духовенства», которой руководство близких к Москве семинарий активно пользовалось: учеников отправляли в московскую Славяно-греко-латинскую академию для изучения «высших наук» (философии и богословия), а заодно им позволялось посещать в Московском университете занятия по языкам — для подготовки к дальнейшей учительской работе (например, таким был на начальном этапе путь Евгения (Болховитинова), приехавшего в Москву из Воронежской семинарии — см. [Шмурло 1888]).

Учителя европейских языков из числа студентов семинарии быстро стали рядовым явлением в духовной среде. Однако «знатоки языков» имели обычно больше карьерных амбиций, чем преподаватели других дисциплин, и редко оставались в семинариях дольше, чем на 3–4 года. Стандартный путь учителя немецкого или французского языка в семинарии выглядел так: наиболее одаренный ученик старших классов семинарии начинал работать помощником преподавателя, через несколько лет он мог быть рассмотрен на позицию учителя соответствующего языка; далее он мог принять монашество и выбрать карьерную траекторию «ученого монаха» (и в таком случае его ждали позиции

настоятеля монастыря, учителя высших классов семинарии, члена Синода и т. д.), мог получить приход и оставаться какое-то время учителем в семинарии (как, например, действовал Евгений (Болховитинов) в Воронеже) — или «выйти в светское состояние» и стать переводчиком, секретарем, ученым или чиновником. Такая модель обеспечивала стабильное воспроизводство учительских кадров, но не обеспечивала стабильного качества преподавания языков — и наиболее страдало обучение устной речи (см. [Кислова 2016: 72–76]).

В последней трети XVIII в. в московских духовных учебных заведениях преподавание французского и немецкого языков уже было налажено и велось собственными учителями «из духовенства». Однако Платон (Левшин)¹, став архиепископом Московским и Калужским, активно способствовал приобщению к преподаванию в подчиненных ему учебных заведениях лиц самого разного статуса, стараясь при любой возможности обеспечить студентам преподавание языка его «носителями» — или хотя бы дворянами, учившимися у носителей (причем это касалось не только французского и немецкого, но и новогреческого языка [Смирнов 1867: 343–344]). Возможно, такое внимание к живой речи отражало необходимость повысить статус духовенства в глазах дворян: владение чтением и письмом на французском и немецком языках уже стало доступно многим представителям духовенства, но беглая речь на языке без акцента пока оставалась признаком дворянства, мгновенно отделявшего образованного дворянина от других сословий [Кислова 2016].

В начале 1780-х гг. Платон (Левшин) пытался привлечь в подчиненные ему учебные заведения учителей-иностранцев: в 1781 г. в московскую Славяно-греко-латинскую академию был принят «француз Иван Шмид», который обязан был обучать студентов 4 дня в неделю по 1 часу (*Дела Академии за 1783 г.*, л. 62). Опыт оказался неудачным: Шмид в классах появлялся редко, работал «неисправно» и был уволен в мае 1783 г. Лектор Московского университета И. А. Гейм предложил на тех же условиях свои услуги, запросив 200 рублей жалованья, однако Платон по каким-то причинам отказал, определив, согласно семинарской традиции, на преподавание французского и немецкого языков студента Николая Соколова (с жалованьем 150 рублей в год), а на низший класс — Ивана Розонова (с жалованьем 100 рублей в год — *Дела Академии за 1783 г.*, л. 58–59). Николай Соколов при этом сам должен

¹ С 1775 г. Платон (Левшин) был архиепископом Московским и Калужским, в 1787 г. был возведен в сан митрополита Московского и Коломенского; так как наша статья охватывает оба периода, мы не будем уточнять сан Платона при каждом его упоминании и ограничимся этой сноской.

был посещать занятия в Московском университете и «в оном показанные языки приводить в совершенство», а в академии преподавать «в то время, в которое он может свободен быть от университетских лекций» (*Дела Академии за 1783 г.*, л. 62об.).

Поэтому появление Антуана Оронова в Троицкой семинарии примерно в эти же годы выглядит некоторой аномалией. С. К. Смирнов, реконструируя его историю, опирается на 3 архивных дела, цитируя их с существенными ошибками, поэтому посмотрим еще раз на весь сохранившийся комплекс документов, связанных с Ороновым, и реконструируем его историю на основе новых данных².

Антуан Оронов, как следует из его автобиографии на латыни, сохранившейся в ведомостях учителей за 1785 г. (*Дело о посылке в Синод... за 1785 г.*, л. 37), французский дворянин, родом из Лангедока; его отца звали Генрих Оронов (в некоторых ведомостях отчество Антуана ошибочно передано как «Андреевич» — вероятно, из-за восприятия на слух формы «Анри» как «Андрей»). В 1785 г. Антуану Оронову было 47 лет, поэтому можно предположить, что он родился в 1738 г. Оронов учился в разных университетах Европы (в автобиографии перечислены Монпелье, Париж, Лозанна, Гейдельберг, Базель, Франекер), изучал математику, медицину, фризскую теологию (кальвинизм), выучил латынь, немецкий, голландский, после переезда в Россию, по его словам, освоил русский (*Дело о посылке в Синод... за 1785 г.*, л. 37). После окончания образования в Франекере был рукоположен в пасторы реформатской церкви; был пастором во Франции и в немецких землях (в частности, в Галле) и затем, как он указывает, в Петербурге.

В каком году и по каким причинам он переехал в Россию, неизвестно. В начале 1785 г., «после многих перипетий и перемен», не найдя постоянного места в Петербурге, он поселился в Вышнем Волочке, где, по его собственным словам, основал «пансионную школу», в которой преподавал французский, немецкий, арифметику, начала геометрии, географию, историю (*Дела Академии за 1785 г.*, л. 119об.). Никаких других сведений об этой школе не имеется, и сам факт наличия такого пансиона в Вышнем Волочке в 1784 г. вызывает ряд вопросов. После получения Вышним Волочком в 1772 г. статуса города ему было выделено 300 рублей на устройство школы, однако могла ли это быть частная школа-пансион (как мы видели на примере Смоленска выше, такое было вполне возможно)? Кто мог быть учениками этой школы? Описывая свой жизненный путь в письме Платону (Левшину), Оронов

² Автор благодарит за помощь в работе с документами на французском и немецком В. С. Ржеуцкого, на латыни — М. Л. Сергеева.

сообщает ему о «непостоянстве учеников», «беспечности дворян» и жалуется на «нерегулярность оплаты» (*Дела Академии за 1785 г.*, л. 119). По данным ревизии 1782 г., в Вышнем Волочке было 1250 купцов и 281 мещан (см. [Сорина 1999]). Возможно, учениками-дворянами могли быть дети владельцев имений, расположенных в окрестностях Вышнего Волочка, а также чиновников, служивших в Вышневолоцкой конторе водных коммуникаций (как раз в 1780–1790-х гг. деревянные гидротехнические сооружения здесь перестраивались в каменные). В сельце Боровно в начале 1780-х гг. обосновался Л. М. Манзей (1741–1803), директор Вышневолоцкой системы водяной коммуникации (см. [Ступкин 2006]); поэт и переводчик М. В. Храповицкий (1758–1819) с 1780-х гг. имел дом в Вышнем Волочке и трижды избирался предводителем уездного дворянства. Вышний Волочек активно развивался и рос, поэтому переезд Оренова и попытка создания пансиона в российской провинции кажутся вполне логичными: хотя количество учеников в столице было заведомо больше, но и конкуренция среди учителей иностранных языков была сильнее. Однако проект потерпел неудачу, спрос на пансион, видимо, был недостаточным, а оплата трудов задерживалась.

Идея пастора-протестанта предложить свои услуги Платону (Левшину) выглядит необычно только на первый взгляд: Платон был важным человеком при дворе, законоучителем наследника престола, олицетворявшим просвещенное духовенство екатерининской эпохи. Он был известен широкими контактами с иностранцами (см. [Богданова, Зеленина 2019]), его «Православное учение...» было переведено на немецкий (1770) и французский (1776) языки: «*Rechtgläubige Lehre, oder kurzer Auszug der christlichen Theologie: zum Gebrauche Seiner Kaiserlichen Hoheit des Durchl. Thronfolgers des rußischen Reiches, rechtgläubigen Großen Herrn Zesarewitsch und Großfürsten Paul Petrowitsch*» (Рига, 1770) и «*La Doctrine orthodoxe, ou la Théologie chrétienne abrégée, à l'usage de S. A. I. Mgr le grand duc Paul Petrowitz*» (Санкт-Петербург, 1776; переведено на французский священником Симеоном Матьевым). Эти издания или сам факт их наличия вполне могли быть известны Оренову.

В 1779–1784 гг. в Москве в Сенатской типографии вышли первые 11 томов собрания сочинений Платона (первый том имел заголовок «Поучительныя слова при высочайшем дворе ея императорскаго величества благочестивейшия великия государыни Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския, и в других местах с 1763 года по 1778 год», в следующих томах он незначительно менялся).

Оренов написал Платону (Левшину) письмо, в котором изложил свою историю и предложил сделать перевод его проповедей на иностранные языки: сам он был готов переводить на французский, а его

неназванный друг должен был выполнить перевод на немецкий. Это предложение тоже опиралось на известный прецедент: одна из проповедей Платона уже была переведена на французский и опубликована в Лондоне в 1771 г.: «Sermon prêché par ordre de S. M. Imp. sur la tombe de Pierre le Grand le lendemain du jour que l'on recut a St. Petersbourg la nouvelle de la victoire navale remportee sur la flotte turque, dans l'église cathedrale de St.-Petersbourg».

Проповеди Платона (Левшина) были написаны на русском языке с минимальным количеством церковнославянизмов; первые тома были опубликованы в гражданской печати; мы не знаем, сколько времени Оренов уже провел в России к этому моменту, но очевидно, что он считал, что достаточно владеет русским языком, чтобы понимать их риторически украшенный стиль (хотя ни одного текста, написанного им на русском языке, нам неизвестно, а языками письменной коммуникации, судя по сохранившимся документам, для него были латынь и французский).

23 января 1785 г. Платон (Левшин) ответным письмом на латыни предложил Оренову приехать в Москву, где, очевидно, состоялась личная встреча, в результате которой Оренов записал свои условия работы по-французски, а Платон резюмировал итоги переговоров на латыни (*Дело о принятии на должность...*). Платон предложил Оренову на выбор позицию в московской Славяно-греко-латинской академии или в Троицкой семинарии. Француз выбрал последнюю, поэтому оба текста — французское предложение Оренова и латинский ответ Платона — с сопроводительным письмом на русском были отправлены ректору и префекту Троицкой семинарии в качестве «договора» с учителем.

Оренов сообщал о готовности проживать в Троицкой лавре, но не указывал конкретный срок своей работы, ссылаясь на «взаимное удовлетворение», которое должно его определять. Он предлагал обучать семинаристов с 10:00 до 12:00 французскому (по понедельникам), немецкому (по вторникам), географии (по четвергам) и истории (по пятницам). Также предлагал «время от времени» давать уроки древнееврейского языка, если библиотека семинарии могла бы выдать ему грамматику и словарь, а также Библию на этом языке. Если таких книг в библиотеке семинарии не было, Оренов предлагал выписать их из Голландии — благодаря своим связям с преподавателями восточных языков в этой стране, но за счет Лавры. Действительно, в Троицкой семинарии в это время усиливалось преподавание древнееврейского, а ее библиотека обладала богатой подборкой учебных пособий по этому языку; и здесь значение обретает связь Оренова с университетом Галле — общепризнанным центром христианской гебраистики (см. [Burnett 2008;

Кислова 2013]). Однако Платон не проявил интереса к этому предложению: позиция учителя древнееврейского была уже занята, а количество учеников было сравнительно невелико. Использование талантов «природного иностранца» целесообразнее было там, где необходимо было научить «разговору» — практике устной речи, которую Платон рассматривал как важнейший навык учеников [Кислова 2013].

Оренов просил за свою работу 400 рублей в год, подчеркивая, что ему придется платить за свое жилье и необходимое содержание, включая мебель, продукты питания и книги. Он допускал, что это жалованье может со временем быть уменьшено, если у него будут частные ученики (по его расчетам, 3 частных ученика позволяли снизить жалованье до 300 рублей в год, 6 учеников — до 200 рублей). Он также просил одолжить ему 100 рублей, чтобы он мог перевезти в Лавру свое имущество.

Документ Оренова был написан 14 февраля, а переехать в Лавру он был готов уже 17 февраля.

На обороте французского письма содержится краткий «договор» на латыни: жалованье Оренову полагалось на первое время 200 рублей (что было вполне достойной оплатой труда учителя семинарии), но, если качество обучения будет высоким, оно могло быть увеличено до 250 рублей (и действительно, жалованье было увеличено с сентября 1785 г. — *Дело о переводе учителей...*, л. 1); для проживания ему были выделены покои на гостином дворе, очевидно, бесплатные; на проезд и обоснование было дано 25 рублей.

Платон адресовал Оренова ректору и префекту Троицкой семинарии с собственноручным письмом на русском языке, в котором рекомендовал принять Оренова «ласково» и «дать на время квартиру попокойнее», а затем поселить его «на гостином дворе» в покоях, которые ранее занимал некий Николай Кузьмин: «Хорошенько их истопите и приготовьте: где надобно, что небольшое поправить, поправьте» (*Дело о принятии на должность...*, л. 1). Действительно, уже 22 февраля ректор семинарии Мелхиседек (Заболотский) доложил учрежденному собору о подготовке покоев для Оренова на гостином дворе и выделении денег на мелкий ремонт (*О отведении на гостинном дворе...*, л. 2).

3 марта ректор Мелхиседек (Заболотский) и префект Мефодий (Смирнов) направили Платону доношение, определяющее должностные обязанности нового учителя (*Дело о принятии на должность...*, л. 6). Оренову передавались лучшие ученики французского и немецкого классов для обучения «стилю», сочинению писем, переводу с латыни на европейские языки «какой-нибудь книги» и «паче же всего разговаривать по-французски» и «более разговаривать по-немецки» (*Дело о принятии на должность...*, л. 6). Каждую группу учеников он должен был

учить по 4 часа в неделю. Оренов также обучал всех студентов классов философии и богословия «сфере» (использованию глобуса) и географии, а после окончания этих курсов должен был «преподавать латинские лекции» (*Дело о принятии на должность...*, л. 6)³.

По ведомости семинарии, к 15 февраля 1785 г. французскому языку учились 19 человек в классе богословия, 29 в классе философии и 12 в классе риторики и поэзии; немецкому языку — 10 человек в классе богословия, 20 — в классе философии и 33 в классе риторики и поэзии (*Дело о посылке в Синод...*, л. 30об.); всего в классе богословия было 25 человек, в классе философии — 41 человек, в классе риторики и поэзии — 50 человек. К февралю 1786 г. французскому языку учились 18 учеников в классе богословия, 31 в классе философии и 18 в классе риторики и поэзии; немецкому — 19, 22 и 14 соответственно (*Дело о посылке в Синод... за 1785 г.*, л. 30). Ведомость за следующий учебный год показывает, что число учеников было относительно стабильным: французский — 9 в богословии, 25 в философии, 22 в риторике и поэзии; немецкий — 10 в богословии, 14 в философии, 11 в риторике и поэзии (*Дело о посылке в Синод... за 1786 г.*, л. 26). В высших классах семинарии обычно находились несколько лет, изучая основной предмет, поэтому изучение иностранного языка продолжалось в рамках одного класса 1–2 года и более, так что многие имена учеников в ведомостях повторяются.

Уже имевшийся в Троицкой семинарии учитель Иван Сокольский (сам числившийся студентом класса богословия) обучал классы французского и немецкого «в свои часы». Лучшие ученики продолжали ходить и к нему, причем Сокольский должен был «спрашивать оных, в чем они упражнялись с Ореновым, испытывать, есть ли желаемое преумножение успехов, и давать о том знать [...] помесячно» (*Дело о принятии на должность...*, л. 6об.). Таким образом, Оренов с самого начала был самостоятельным учителем, а не помощником Сокольского. Такой порядок сохранялся до начала сентября 1785 г., когда Иван Сокольский был переведен в московскую Славяно-греко-латинскую академию на должность учителя французского и немецкого, а Оренов остался единственным учителем.

Кажется, что Платон (Левшин) был лично заинтересован в том, чтобы принять Оренова в штат семинарии: 50 рублей в жалованье Оренова составляли его личные средства (*Дело о принятии на должность...*, л. 6). При раздаче наградных денег к именинам Платона в мае 1785 г. Оренов получил 10 рублей — столько же, сколько префект Троицкой

³ С. К. Смирнов пишет о преподавании голландского, но это очевидная ошибка, вызванная, скорее всего, тем, что в ведомостях учителей в списке того, чему Оренов обучался, упоминается голландский язык [Смирнов 1867: 352].

семинарии; Иван Сокольский и другие учителя получили по 6 рублей (*Дело о раздаче наградных денег...*, л. 5). Появляется Оренов и в других наградных списках (*Дело о выдаче учителям семинарии наградных денег*). Никаких замечаний по поводу иноверческого статуса и пасторского сана ни в одном документе не содержится, никаких подозрений по поводу протестантского влияния — если даже они были — нигде не озвучиваются.

Сохранился отчет Оренова об обучении семинаристов, написанный для Платона (Левшина) в начале ноября 1786 г.:

В течение последних двух месяцев я в общем порядке проверял с учениками правила грамматики и синтаксиса обоих языков — немецкого и французского, а также изучающие первый из названных языков делали различные переводы, а французы перевели с латинского на французский язык краткий обзор русской истории, продиктованный на латыни. Кроме того, я постоянно с ними разбираю также избранные тексты на указанных языках, а в политической географии, которую мы сейчас проходим, мы дошли до второго округа Германии (*Дело о посылке к архимандриту Платону...*, л. 4об.; пер. В. С. Ржеуцкого).

Какие именно учебники использовал Оренов, точно сказать нельзя: Троицкая семинария обладала богатой библиотекой как изданных в России, так и купленных за границей книг.

16 декабря 1786 г. в комнаты, которые занимали Оренов и его жена в гостином дворе, через окно забрались двое неизвестных. Они избили жену Оренова березовым поленом толщиной в оглоблю, «спрашивая и ища его Оренова, но он тогда лежал под кроватью», и «вымучили» у нее таким образом 2 ассигнации в 50 рублей, 10 рублей медных, 5 рублей серебряных, новые карманные часы стоимостью 4 рубля 20 копеек, медный подсвечник (80 копеек), 8 столовых серебряных ложек и 5 чайных ценой в 30 рублей⁴ (*О покраже у французского учителя...*, л. 3об.). Потом, вытащив Оренова из-под кровати, они избили его тем же поленом «по голове, по шее, по спине, по заднице, по рукам и по ногам, на коих имеются раны» (*О покраже у французского учителя...*, л. 3об.), и в первом часу пополуночи ушли, забрав ценности и деньги и оставив «две крестьянские рукавицы с варигами разноручные, железное огниво и пояс шелковый» (которым была завязана цепь, закрывавшая двери с крыльца — *О покраже у французского учителя...*, л. 3об.). Несмотря на поиски, отчеты о которых методично поступали ректору и префекту семинарии, грабителей найти не удалось. Поражает масштаб

⁴ Суммарно стоимость украденных вещей была оценена в 100 рублей (*О покраже у французского учителя...*, л. 8).

расследования: например, 2 марта 1787 г. Оренову и его жене было приказано представить для опознания «здешняго посада всех обывателей мужеска пола не минуя ни одного» (*О покраже у французскаго учителя...*, л. 8). Руководил расследованием майор Даниил Данилов, судья Богородской нижней расправы, назначенный на эту должность в 1784 г. (*Об отправлении при Сергиевском Посаде...*, л. 1).

Сразу после кражи Платон приказал выдать Оренову 30 рублей из средств семинарии и до его выздоровления передал преподавание в классах помощникам из числа лучших студентов (*Дело об ограблении учителя Оренова...*).

Неизвестно, как быстро Оренов вернулся к работе, однако уже в начале марта 1787 г. он навсегда покинул Лавру, проработав в ней всего 3 года. Возможно, это решение возникло после ограбления, однако уезжать ему пришлось, видимо, не ставя в известность руководство семинарии (по крайней мере, никаких репортов и сообщений с просьбами о завершении работы и разрешении отъезда пока найти не удалось). Незадолго до начала марта 1787 г. Оренов не совсем легальным образом получил аттестат в управе благочиния (*О покраже у французскаго учителя...*, л. 9–10): отпускать его из семинарии должно было ее руководство. Однако майор Данилов выдал аттестат, засвидетельствовав в нем только добропорядочное поведение иностранца («...во всю ево бытность с 785 по 787 года марта по 1е число, будучи по жительству и обывательству добропорядочным яко пастору реформатскаго закона и благонравия весма найблагопристойным поведением — так, как чести достойному яко иностранному реформатскаго закона господину пастору долженствовало быть» (*О покраже у французскаго учителя...*, л. 10).

Вероятно, отъезд Оренова вызвал вопросы Платона (Левшина) о том, на каком основании этот аттестат вообще был выдан управой благочиния и отработал ли Оренов перед отъездом выплаченное ему жалованье. 13 мая 1787 г. учрежденный собор Лавры сообщал, что аттестат, выданный Оренову, не касался его поступков в статусе учителя семинарии и что жалованье, полученное Ореновым, было заслуженным. В резолюции Платон указывал, что Оренов служил по учительскому договору и Данилову перед выдачей аттестата следовало сначала связаться с семинарией: «Посему он Оренов получив таковой незаконный аттестат самовольно и непорядочно от Лавры отлучился; посему собору рассмотреть, представлять ли на него Данилова в сем обидном для лавры поступке в губернское правление требуя сатисфакции или [...] другим каковым пристойным образом Лавре удовлетворит» (*О покраже у французскаго учителя...*, л. 9). Платон вновь задавал вопрос о

деньгах, выданных Оренову по случаю кражи: отработал ли он их своим учительством, и если нет, то с кого их следует взыскать (*О покраже у французского учителя...*, л. 9об.). Эта резолюция была написана только 21 октября 1787 г. 23 ноября того же года Данилов «в причиненном оскорблении дачею Оренову аттестата испросил [...] прощения» лично у Платона, на чем дело было завершено (*О покраже у французского учителя...*, л. 11). Вероятно, какие-то разбирательства в семинарии по поводу отъезда Оренова велись, однако оставались в устной форме. Нигде не упоминается ни куда, ни почему, ни когда уехал Оренов. При явном благоволении, которое оказывал Антуану Оренову Платон (Левшин), такой внезапный отъезд без «документального следа» (например, прошения об отставке с резолюцией Платона или доношения ректора или префекта Платону) выглядит странно. Реакция Платона как будто показывает, что и ему не были известны причины такого поступка Оренова. Нам кажется важным обратить внимание на совпадение этого отъезда с назначенным на 2 марта опознанием грабителей: в документах нет свидетельств о том, что оно состоялось; возможно, Оренов уехал, чтобы по каким-то причинам не участвовать в нем?

Эти события примерно совпали с появлением в семинарии нового учителя — Михаила Вышеславцева, такой же «аномалии» в духовной среде, как и сам Оренов.

Михаил Михайлович Вышеславцев (1767/1768–1830-е) — дворянин из древнего зажиточного рода Вышеславцевых (Вышеславцовых) [Савелов 1908: 151–152], его отец Михаил Степанович (1737–1791) был подпоручиком Семеновского полка, мать — Анна Васильевна, урожденная Друцкая-Соколинская (1741–1814). Сам Михаил был приписан к Преображенскому полку, служил вахмистром в лейб-гвардии Конном полку, вышел в отставку в чине поручика. Из его четырех братьев самый старший — Степан (1761–1850) — имел чин майора; Трофим (1765–?), возможно, какое-то время был губернатором в Твери; Петр (1771–1837) стал отцом 11 детей, а младший брат Григорий (1774–1845) дослужился до звания генерал-майора [Башкина 2022]. Наиболее известной фигурой стала их младшая сестра Капитолина (1778–1861), которая сперва вышла замуж за В. Л. Пушкина, а затем развелась с ним⁵. Михаил Вышеславцев получил домашнее образование, обучался российской грамматике, риторике, философии, катехизису, истории, географии, арифметике, французскому и немецкому языкам.

⁵ Из-за тождества имен сына и отца Вышеславцевых в «Словаре русских писателей XVIII в.» и в других источниках ошибочно утверждается, что Капитолина — дочь Михаила, а не сестра [Словарь, 1: 182].

12 января 1787 г., в возрасте 19 лет⁶, он обратился к митрополиту Платону (Левшину) с просьбой о принятии монашества и определении его в Берлюкову пустынь (Николаевская Берлюковская пустынь, мужской монастырь в Богородском уезде Московской губернии, упраздненный в 1770 г. и восстановленный в 1779 г.). Эта просьба сопровождалась следующим объяснением:

Естьли Ваше преосвященство пожелаете узнать причину, побудившую меня оставить свет в таких младых летах, то я вам ее объявлю, и Вы увидите, что она правильна. Я имею хотя богатых, но весьма несчастных родителей, кои во мне теперь ни малой нужды не имеют, ибо я также имею четверых братьев, из коих двое мне старшие, а двое младшие. Уже 16 лет как родитель мой страдает ипохондрией, и ни малейшей нет надежды излечить его от оной. Один несчастной случай, недавно воспоследовавший от следствий его болезни, вверг в бесславие нашу фамилию. И теперь дражайший наш родитель окружен приставами, коим правление препоручило стараться о сохранении его жизни, ибо он не один уже раз покушался на жизнь свою. Дражайшая наша родительница также опасно больна; а мы, мы несчастные не имеем другого прибежища кроме Утешителя несчастных; но главнейшая причина, для которой я намерен оставить свет, есть та, что я сам был недавно опасно болен и обещался, если вылечусь от болезни, итти в какой-нибудь монастырь (*О принятии в Лавру в надежду монашества...*, л. 3).

Подобное желание среди обеспеченных и образованных дворян в это время было крайне редким⁷: принятие монашества фактически лишало их сословных привилегий. Постриг в монашество в целом был ограничен указами Петра I и следующих за ним императриц (см. [Смолич: 1997]): согласно указам, постриг требовал специального разрешения, возраста не менее 30 лет и нескольких лет пребывания послушником. Некоторые исключения делались для «ученых монахов» — студентов высших классов семинарии, желающих стать учителями этих же семинарий (они

⁶ У С. К. Смирнова в «Истории Троицкой духовной семинарии» ошибочно указано 29 лет, и эта ошибка повторяется в дальнейших биографиях Вышеславцева, в том числе в [Словарь, 1: 182]. Из-за этого возникает неверная дата рождения (1757). Приведенный текст письма однозначно свидетельствует о том, что в январе 1787 г. ему было 19 лет, и таким образом верная дата рождения — 1767 или 1768 г. Действительно, только в этом случае можно говорить о «младых летах»; 29 лет таковыми считать не приходится. Еще одним свидетельством является исповедная ведомость Сретенского сорока церкви Трифона в Напрудном за 1784 г. (*Исповедные ведомости церкви св. Трифона...*, л. 43об.), в котором указан возраст всех членов семьи Вышеславцевых, в том числе Михаила — 16 лет.

⁷ Вероятно, ограничение 30-летним возрастом потребовало впоследствии увеличения в документах и возраста Вышеславцева: во всех ведомостях об учителях семинарии, подаваемых в Синод, ему добавлено 10 лет — так, чтобы его возраст был больше 30 (*Ведомости 1790*, л. 6; *Ведомости 1791*, л. 6; *Ведомости 1792*, л. 4).

имели возможность принимать монашество до 30 лет и без отдельного послушания, так как можно было «засчитать» годы обучения в семинарии). Письмо Вышеславцева показывает его совершенно идиллические представления о вступлении в монастырь, далекие от реалий российского законодательства: очевидно, в своей дворянской среде он никогда не сталкивался с этой реальностью, которая, несомненно, была хорошо известна любому представителю духовенства.

Желание Вышеславцева невозможно было удовлетворить сразу, хотя оно явно встретило горячую поддержку со стороны Платона (Левшина). Он определил Вышеславцева на проживание с «учителем Глаголевским»⁸ в Троицкую лавру; наместнику Лавры и префекту семинарии было дано указание стараться вводить молодого дворянина в образ жизни духовенства: «...чтоб он мог и при службе в церкви быть, и к житию общежительному присматриваться, и испытывать к тому свои силы» (*О принятии в Лавру в надежду монашества...*, л. 3об.). Необходимо было получить разрешение от матери и отпуск из полка («пашпорт полковой») — первоначально на год (*О принятии в Лавру в надежду монашества...*, л. 3об.).

Вышеславцев просил о дозволении изучать богословие («по той причине, что я риторике, философии и прочим наукам обучался, а богословию, которую я слушал по вашему сочинению, не всю еще кончил. И притом признаю ее за необходимо нужную науку для того состояния, в которое я вступаю» (*О принятии в Лавру в надежду монашества...*, л. 5)), возможно, надеясь на быстрый постриг после завершения курса. Однако оно преподавалось почти исключительно на латыни и требовало соответствующей языковой подготовки и начитанности в латинских текстах (вероятно, риторiku и философию Вышеславцев изучал на русском, французском или немецком языках, но не на латыни, принципиальной для духовных школ). Поэтому для начала Вышеславцеву разрешили изучать латынь и посещать класс риторики, предшествующий классам философии и богословия. Платон (Левшин) определил Вышеславцеву содержание «по гривне на день», однако Вышеславцев пожелал быть на своем содержании и ничего не требовал от семинарии. По отчетам об учителях видно, что Вышеславцев год за годом осваивает высшие классы семинарии: с 1788 г. он учится риторике, в 1790 г. — философии (*Ведомости 1790*, л. 5об.), в 1791 г. переходит к изучению богословия (*Ведомости 1791*, л. 5об.).

⁸ Стефан Васильевич Глаголевский (1757 или 1763–1843), впоследствии епископ Серафим (Глаголевский), с 1821 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, первенствующий член Синода. В описываемое время он пребывал в Троицкой семинарии в качестве учителя.

Статус Вышеславцева оказывался неопределенным: формально он не мог стать учеником Троицкой семинарии, так как впоследствии не смог бы претендовать на позицию священно- или церковнослужителя, так как не происходил из духовенства; он не мог быть официально принят в Лавру в качестве послушника, он не мог принять постриг (как минимум до 30 лет). Любая попытка поменять заложенный сословной структурой жизненный путь дворянина наталкивалась на множество бюрократических ограничений, из которых единственным выходом было перемещение в среду «разночинцев». Учительская должность оставалась единственным статусом, позволявшим мирянину находиться в семинарии⁹, поэтому Платон и предложил Вышеславцеву этот вариант: «...и при семинарии учиться, чему он пожелает, и учить других к чему он способным и охотным себя объявит [...] а он по-французски и по-немецки хорошо, в чем его Оренов пусть освидетельствует» (*О принятии в Лавру в надежду монашества...*, л. 4); предполагалось также, что Вышеславцев, находясь в Лавре, будет «вне школ» постоянно говорить с семинаристами на этих языках, добиваясь свободной речи (*О принятии в Лавру в надежду монашества...*, л. 4об.).

Однако в Троицкой семинарии уже был учитель французского и немецкого языков — Антуан Оренов. Несмотря на выгодность Вышеславцева для бюджета семинарии, Платон (Левшин) не планировал увольнять Оренова и сразу же распорядился о том, что между учителями должно быть распределение («чтобы не было конфузии»), порядок которого должны определить ректор и префект (*О принятии в Лавру в надежду монашества...*, л. 4, 9).

18 февраля 1787 г. Оренов провел с Вышеславцевым беседы на французском и немецком языках и сделал вывод: «...он знает немецкий лучше, чем французский; в области географии, я полагаю, он не достиг значительных успехов¹⁰» (пер. с лат. В. С. Ржеуцкого). Оренов предложил, чтобы Вышеславцев разбирал с частью студентов «какую-нибудь книгу, или новеллы, или проповеди Архиепископа [т. е. Платона (Левшина). — Е. К.] — и все это на французском или немецком языках, переводя с русского» (*Дело о приеме в семинарию...*, л. 5). По содержанию отчета кажется, что в это время Оренов готов к присутствию Вышеславцева в

⁹ Платон (Левшин) регулярно привлекал светских лиц для преподавания: например, в 1766–1768 гг. в Троицкой семинарии преподавал французский язык Ф. В. Каржавин (1745–1812), сын купца-старообрядца, получивший образование в Париже [Словарь, 2: 46–48]. Светские учителя к концу XVIII в. все чаще появлялись в семинариях (например, в Воронежской семинарии — см. [Никольский 1898: 119, 127–128]).

¹⁰ Географию, согласно отчетам, уже в 1789 г. преподавал помощник высшего латинского класса иеромонах Назарий, ставший в 1790 г. учителем высшего грамматического класса.

качестве дополнительного учителя, не собирався сам покинуть семинарию, а руководство семинарии не планировало расставаться с ним.

26 февраля ректор и префект семинарии предлагали Вышеславцеву «вспомоществовать» в обучении французскому и немецкому языкам и географии, и указывали: «...также за удовольствие почитаем, если он сию должность [учителя. — Е. К.] на себя примет» (*Дело о приеме в семинарию...*, л. 4). Возможно, уже в это время возникли какие-то предположения о том, что учительская должность будет вакантной — или оказалось, что Оренов уже уехал (аттестат мог быть выдан и незадолго до 1 марта, и вскоре после).

Последствия внезапного отъезда Оренова обнаруживаются еще в одном архивном деле. Еще зимой учителя семинарии должны были начать готовиться к предполагаемому визиту императрицы, который мог случиться после ее возвращения из Крымского путешествия: учителям «с подписками» были даны задания подготовить стихи и речи для торжества (*Дело о подготовке приветственной программы...*, л. 2об.–3). Оренов должен был написать эпиграммы и речи на французском и немецком языках (возможно, также прочитать их перед императрицей) и составить «Диспут сферический и географический» (диспуты обычно представляли ученики). Начальный вариант проекта торжественной встречи не содержит даты, но в течение февраля и марта 1787 г. Платон (Левшин) просит присылать подготовленные тексты ему «на апробацию» и требует исправить «диспуты», которые показались ему скорее «разговорами» (*Дело о подготовке приветственной программы...*, л. 3об.–4); к 20 апреля все произведения должны были быть подготовлены и представлены ему.

26 февраля (обратим внимание на это совпадение) руководство семинарии искало сочинителя французских и немецких эпиграмм среди «других учителей» (но возможно, что Оренов просто считался загруженным подготовкой речей и диспута), а 25 марта в репорте из семинарии говорится о том, что Михаил Вышеславцев, «по недавнему его в учительскую должность вступлению» (которое состоялось 13 марта¹¹), «еще не заготовил речи для апробации» (*Дело о подготовке при-*

¹¹ В качестве учителя Вышеславцев получал жалованье — в 1790 г. оно составляло 140 рублей в год (учитель высшего грамматического класса иеромонах Назарий получал столько же; учитель греческого языка получал 125 рублей в год) (*Приходно-расходная книга семинарии*, л. 80–83об.). Регулярно получал он и наградные деньги (например, наравне с иеромонахом Назарием и учителем греческого и еврейского языков в мае 1790 г. — 8 рублей (*Дело о учителях и библиотеке...*, л. 2), в июне 1791 г. — 10 рублей (*Предписания митрополита Платона о выдаче наградных...*, л. 3); в январе 1791 г. Вышеславцев получил 7 рублей наградных — чуть больше, чем учитель греческого, но чуть меньше,

ветственной программы..., л. 4). Однако над словами «не заготовлены» вписано «и вскоре заготовлены» — видимо, до отправки репорта Вышеславцев успел их представить ректору и префекту. Таким образом, именно Вышеславцев готовил приветственные речи императрице¹²; если даже Оронов и оставил какие-то черновые наброски, это никак не было отражено в документах. Как кажется, к 26 февраля ректор и префект семинарии знали об отъезде Оронова — и, видимо, каким-то образом сообщили об этом митрополиту Платону.

Сохранилось 8 беловых копий сборника приветственных речей, стихотворений и диспутов, подготовленных для поднесения императрице и членам императорской семьи (*Сборник стихотворных приветствий...*¹³): «Торжество лаврских муз, всемилостивейшим посещением премудрая Паллады, Великия Екатерины Вторы, Августейшия Императрицы и самодержицы Всероссийския, обрадованных, и Ея Императорскому Величеству с благоговением изъявляющих свои всерадостныя и благодарныя чувства 1787 года». Не случайно отсутствует дата визита: Екатерина так и не посетила Лавру в этом путешествии — в январе ее маршрут шел через Великие Луки и Смоленск, мимо Москвы, а после прибытия императрицы в Москву на обратном пути в июне все торжества оказались сосредоточены в Кремле, откуда она выехала в Петербург через Клин — не заезжая в Троице-Сергиеву лавру [Храповицкий 1787: 127–129].

Эти речи вместе с сохранившимся отчетом Вышеславцева о преподавании, написанном на французском, позволяют нам понять уровень владения иностранным языком, свойственный представителям состоятельных дворянских родов этого периода. Собственноручно написанный отчет о преподавании показывает, что во французском языке Вышеславцев действительно регулярно делает орфографические ошибки. Например: ‘suivantes occupatons’ (вместо *occupations suivantes*); ‘les étudiants de ce langue’ (*les étudiants de cette langue*); ‘le poème de célèbre Gellert’ (*le poème du célèbre Gellert*); ‘de Russe en Allemagne’ (*du russe en allemand*); ‘des diverses livres’ (*de divers livres*); ‘je les exerçois aussi dans la composition’ (*je les exerçois aussi dans la composition*) и т. д.¹⁴ (*Дело о по-*

чем иеромонах Назарий (*Приходно-расходная книга семинарии*, л. 1об.)). Мы видим, что денежные вознаграждения Вышеславцева примерно в 2 раза уступают жалованью и вознаграждениям Оронова, но полностью соответствуют выплатам русским учителям.

¹² В описаниях архивных дел вслед за С. К. Смирновым ошибочно указано, что автором французской и немецкой речей является Оронов.

¹³ РГБ, ф. 173/III, ед. хр. 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190 с идентичным названием.

¹⁴ Автор благодарит за эту информацию В. С. Ржеуцкого.

сылке к митрополиту Платону и в Синод..., л. 40об.). Но приветствия на французском и немецком из сборника, предназначенного императрице, никаких ошибок не содержат. Они предварительно поступали на «апробацию» Платону (Левшину) и, очевидно, могли быть по его просьбе вычитаны и исправлены кем-то из его знакомых — носителей языка.

Вышеславцев, так удачно пришедший в Троицкую семинарию на смену Оренову, преподавал в ней до 8 июля 1793 г. — и тоже покинул ее внезапно. В этот день он сообщил Платону: «...по обстоятельствам необходимым переменяю прежнее свое намерение [принять монашество], того ради всепокорнейшее прошу Ваше Высокопреосвященство из Троицкой Лавры уволить и данной мне указ об отставке меня от службы возвратить» (*О принятии в Лавру в надежду монашества...*, л. 11).

Решение Вышеславцева всерьез задело Платона, который оставил такую резолюцию:

Уволить, и требуемый указ отдать, и велеть из Лавры выгнать немедленно. При том ему в присутствии Собора и учителей объявить. 1. Что он отпускается, яко непостоянный, и данного добровольного и усиленного желания и обета пред Богом преступник. 2. Яко неблагодарный ко многим нашим отеческим к нему милостям и дружеским, можем сказать, обхождениям. 3. Яко Лавре поношение и зор причинивший, по шестилетнем пребывании, от оных без всякаго резона отлучающийся. 4. И как мы его намерение и предприятие ни основательным, ни для него полезным, ни богоугодным, не признаем, то потому его Вышеславцева ни нашим, ни Божьим благословением напутствовать не можем (*О принятии в Лавру в надежду монашества...*, 11об.).

Что стало причиной перемены желания Вышеславцева, неизвестно; он получил паспорт и выбыл из семинарии 9 июля 1793 г. С сентября 1793 г. учителями европейских языков, согласно с семинарской традицией, вновь становятся студенты Петр Платонов (немецкий) и Дмитрий Ильинский (французский), а с сентября 1794 г. классы французского языка временно закрываются (*Дело об упразднении...*, л. 2–3).

После выхода из семинарии Михаил Вышеславцев начинает активно заниматься литературной деятельностью; выполняет переводы произведений духовного или философского содержания и пишет собственные поэтические сочинения.

Могло ли желание заняться литературным творчеством стать в глазах Платона (Левшина) тем самым неосновательным и бесполезным «намерением и предприятием», ради которого Вышеславцев оставил мысль о монашеской жизни? Литературное творчество не было

запрещено, наоборот, переводы и собственные сочинения представителей духовенства активно публиковались в это время. В годы пребывания в семинарии Вышеславцев занимался литературой. Он выполнил перевод книги Л. П. Беранже и в 1790 г. опубликовал его, посвятив Платону¹⁵. К этому же периоду относится наиболее ранний его собственный литературный опыт: «Ода, которую его высокопревосходительству действительному тайному советнику и орденов Св. Александра Невского и Св. Анны кавалеру Михайлу Михайловичу Измайлову В первый день 1789 года посвящает Троицкой семинарий французкаго и немецкаго языков учитель Михаил Вышеславцов» (б. м., 1789)¹⁶. Как кажется, выбор жанра и темы вписывался в набор социально-одобряемых вариантов литературного творчества, допустимого для духовных лиц, и вряд ли вызвал какие-то нарекания.

После выхода из семинарии Вышеславцев активно переводит авторов сентиментальной литературы (в том числе с английского языка) и публикует переводы в журналах (рассказы Ф.-Т.-М. де Бакуляр д'Арно, повести Ж.-П. Флориана, А. Г. Мейснера, Х.-Л. Гейне, Дж. Томсона, «Письма Фонтенеля и Юнга» (Москва, 1801), «Фенелоновы Краткие размышления, почерпнутые из Священного писания» (Смоленск, 1798), «Доказательство против врагов веры» (Москва, 1802) Ж.-Б. Массильона и др.). Он и сам пишет стихи — уже не подносные оды, а философские морализаторские рассуждения, публикует переложения псалмов, т. е. его литературная деятельность остается во многом ориентированной на религиозную тему и, на первый взгляд, продолжает быть весьма корректной по отношению к его шестилетнему пребыванию в Лавре. Именно Вышеславцев создает первую антологию русской духовной поэзии, прицельно отбирая стихотворения разных авторов, связанных с духовными исканиями («Приношение религии»; Москва, 1798, 1; 1801, 2).

Семейная жизнь Вышеславцева после отъезда из Лавры также, как кажется, не дает поводов видеть какие-то причины для выхода в светское

¹⁵ Беранже Л. П., Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов, могущих внушить любовь к добродетели и усовершенствовать молодых людей в искусстве повествования, Москва, 1790, 1–2.

¹⁶ Именно М. М. Измайлову, в это время предводителю дворянства Московского наместничества, был посвящен и первый опубликованный труд М. Вышеславцева — перевод с французского речи К. Денины «Ответ на вопрос чем мы одолжены Гишпани? Речь, читанная в Берлинской академии в публичном собрании 26 генваря 1786 года в день королевского тезоименитства» (Москва, 1786). В предисловии переводчик пишет о том, что это «первый опыт уграждения моего во французском языке» и просит о покровительстве. От 18-летнего юноши такого типа подношения потенциальному покровителю могли быть вполне ожидаемы; но интересно, что даже в статусе учителя Троицкой семинарии Вышеславцев демонстрирует сохранение этой связи.

состояние: неизвестно, был ли он женат; он упоминается как восприемник: дважды в 1801 г. вместе со своей сестрой К. М. Пушкиной — при крещении детей дворовых служителей своей матери, что было в целом распространенной ситуацией (*Метрические книги...*, л. 110б., 116об.), и один раз в 1798 г. вместе со вдовой священника церкви Николая Чудотворца в Хамовниках Елисаветой Михайловой — при крещении сына регистратора Московского почтамта Ивана Васильева (*Метрическая книга...*, л. 120об.). Как следует из исповедных ведомостей церкви Сретенского сорока (*Исповедные ведомости...*, л. 35), этим регистратором был И. В. Глаголевский (1766–1822), в будущем титулярный советник, брат Серафима Глаголевского, который должен был помогать Вышеславцеву войти в монашескую жизнь Лавры в самом начале его пути в 1787 г., а в сентябре 1798 г. был назначен ректором Славяно-греко-латинской академии и настоятелем Заиконоспасского монастыря. Это позволяет предположить, что связь Вышеславцева с духовной средой не была окончательно остановлена резким разрывом с Платоном (Левшиным), хотя публично и не демонстрировалась. Однако до новых архивных находок причины, по которым Михаил Вышеславцев так резко изменил свое намерение принять монашество, останутся неизвестными.

Оренов и Вышеславцев — два интереснейших примера вхождения светских лиц в семинарскую среду. Первый, как кажется, существует в парадигме классического прожектерского «авантюризма», характерного для XVIII в. (см. об этом [Строев 2000]). Второй явно движим силой «эмоциональных матриц» нового сентиментального века (см. [Зорин 2016]): сама мысль принять монашество по обету, данному во время тяжелой болезни, выглядит заимствованием из житийных схем, однако она столь же успешно могла появиться и под влиянием каких-то европейских литературных произведений. Если для Оренова преподавание в семинарии стало изящно реализованной возможностью обеспечить себе постоянный доход и приличный статус, то для Вышеславцева оно было способом войти в духовную среду, фактически закрытую для русского дворянства. Иностранные языки, которые он мог преподавать, стали здесь некоторым извинением для нарушения социальных границ и перехода в категорию семинарских «учителей». Парадоксально, что европейские языки для самих студентов и учителей семинарий, происходивших из духовной среды, часто становились инструментом выхода в светскую среду (и в некоторых случаях — карьерного роста, достаточного для приобретения дворянства).

Несмотря на кажущуюся закрытость и консервативность духовенства этого периода, сфера европейских языков становилась территорией

постоянного и очень интенсивного культурного взаимодействия, в рамках которого могли быть реализованы уникальные карьерные траектории (но здесь мы можем поставить вопрос, насколько они уникальны и насколько тем не менее типичны для этого периода?). За счет введения европейских языков в образовательные программы духовных учебных заведений и приходивших с ними преподавателей этот мир оказывался полукоткрытым к представителям разных социальных слоев, культур и даже вероисповеданий. Как это взаимодействие отражалось на учениках, какого рода культурные процессы происходили в процессе преподавания и обучения — темы, требующие дальнейших исследований.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

ЦГА Москвы — Центральный государственный архив города Москвы (Москва).

Библиография

Источники

Ведомости учеников богословия...

Ведомости учеников богословия, обучающихся немецкому и французскому языкам [1786 (?)], РГБ, ф. 757, к. 50, ед. хр. 10 (поименный список учеников этих классов с отметками об успеваемости).

Ведомости 1790

Ведомости о учителях и учениках семинарии за 1790 г., 1791 февр. 10–14, РГБ, ф. 757, к. 59, ед. хр. 1.

Ведомости 1791

Ведомости о учителях и учениках семинарии за 1791 г., 1792 февр. 7–16, РГБ, ф. 757, к. 61, ед. хр. 11.

Ведомости 1792

Ведомости о учителях и учениках семинарии, 1792, РГБ, ф. 757, к. 62, ед. хр. 18.

Дела Академии за 1783 г.

РГБ, ф. 277, ед. хр. 9.

Дела Академии за 1785 г.

РГБ, ф. 277, ед. хр. 12.

Дело о выдаче учителям семинарии наградных денег

1785 сент. 5 — окт. 25, РГБ, ф. 757, к. 47, ед. хр. 24.

Дело о переводе учителей...

Дело о переводе учителей Агапита и Сокольского в славяно-греко-латинскую Академию и о замещении их должностей, 1785 авг. 11 — 1786 апр. 26, РГБ, ф. 757, к. 47, ед. хр. 17.

Дело о подготовке приветственной программы...

Дело о подготовке приветственной программы к приезду императрицы Екатерины, 1787 26 февр. — 13 апр., РГБ, ф. 757, к. 51, ед. хр. 9.

Дело о посылке в Синод...

Дело о посылке в Синод и к архимандриту Платону ведомостей о учителях и учениках семинарии, 1785 февр. 15, РГБ, ф. 757, к. 46, ед. хр. 11.

Дело о посылке в Синод... за 1785 г.

Дело о посылке в Синод и к архимандриту Платону ведомостей об учителях и учениках семинарии за 1785 г., 1786 февр. — 5 марта, РГБ, ф. 757, к. 49, ед. хр. 1; л. 37 — автобиография Антуана Оренова на латыни.

Дело о посылке в Синод... за 1786 г.

Дело о посылке в Синод и к архимандриту Платону ведомостей об учителях и учениках семинарии за 1786 г., 1787 30 янв. — 6 февр., РГБ, ф. 757, к. 51, ед. хр. 2.

Дело о посылке к архимандриту Платону...

Дело о посылке к архимандриту Платону двухмесячных репортов от учителей, 1786 12 нояб., РГБ, ф. 757, к. 50, ед. хр. 3; на л.4об. отчет Оренова на латыни за сентябрь и октябрь 1786 г.

Дело о посылке к митрополиту Платону...

Дело о посылке к митрополиту Платону и в Синод ведомостей об успехах семинаристов, 8 марта 1789, РГБ, ф. 757, к. 53, ед. хр. 5.

Дело о приеме в семинарию...

Дело о приеме в семинарию конногвардейского вахмистра дворянина Михаила Вышеславцева учителем французского и немецкого языков, 1787 февр. 16 — августа 16, РГБ, ф. 757, к. 51, ед. хр. 6.

Дело о принятии на должность...

Дело о принятии на должность учителя французского языка бывшего пастора Антуана Оренова, 1785 18–22 февр., РГБ, ф. 757, к. 47, ед. хр. 2.

Дело о раздаче наградных денег...

Дело о раздаче наградных денег учителям семинарии и сочинителям поздравлений к именинам архимандрита Платона, 1785 янв. 29 — мая 19, РГБ, ф. 757, к. 46, ед. хр. 7.

Дело о учителях и библиотеке...

Дело о учителях и библиотеке семинарии, 1790 янв. 1 — июня 5, РГБ, ф. 757, к. 54, ед. хр. 10.

Дело об ограблении учителя Оренова...

Дело об ограблении учителя Оренова и о выдаче ему из семинарской суммы 30 рублей, 1786 14–26 дек., РГБ, ф. 757, к. 50, ед. хр. 5.

Дело об упразднении...

Дело об упразднении класса французского языка, 1794 авг. 10 — сент. 23, РГБ, ф. 757, к. 63, ед. хр. 18.

Исповедные ведомости

Исповедные ведомости. Москва. Сретенский сорок, ЦГА Москвы, ф. 203, оп. 747, д. 2018.

Исповедные ведомости церкви св. Трифона...

Исповедные ведомости церкви св. Трифона, что в Напрудной слободе, 1778, 1779, 1781–1786, 1788–1794, 1797, 1800–1802, 1804, 1807–1812, 1814, ЦГА Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 852а.

Метрическая книга

1792–1801 гг., ЦГА Москвы, ф. 2126, оп. 1, № 737.

Метрические книги...

Метрические книги, Москва, Сретенский сорок, ЦГА Москвы, ф. 203, оп. 745, д. 131.

Об отправлении при Сергиевском Посаде...

Об отправлении при Сергиевском Посаде должности благочиния Богородской нижней расправы судье майору Данилову, 1784 г., РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 1198.

О отведении на гостинном дворе...

О отведении на гостинном дворе учителю французу Оренову для житья тех покоев, кои занимал Николай Казмин, 1785 г., РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ч. 1, д. 1260.

О покраже у французского учителя...

О покраже у французского учителя Оренова денег и вещей, РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 1389.

О принятии в Лавру в надежду монашества

О принятии в Лавру в надежду монашества Лейб-гвардии конного полку вахмистра Михаила Вышеславцова, 1787 г., РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ч. 1, д. 1477.

Предписания митрополита Платона о выдаче наградных...

Предписания митрополита Платона о выдаче наградных ректору, префекту и учителям семинарии, 1791 янв. 11 — июнь 11, РГБ, ф. 757, к. 58, ед. хр. 4.

Приходно-расходная книга семинарии

1791 янв. 10 — дек. 29, РГБ, ф. 757, к. 58, ед. хр. 3.

Сборник стихотворных приветствий...

РГБ, ф. 173/III, ед. хр. 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190 с идентичным названием «Сборник стихотворных приветствий в честь посещения Троице-Сергиевой лавры императрицей Екатериной II в 1787 г. произнесенных семинаристами Троицкой семинарии». Название сборника — «Торжество лаврских муз, всемилостивейшим посещением премудрая Паллады, Великия Екатерины Вторы, Августейшия Императрицы и самодержицы Всероссийския, обрадованных, и Ея Императорскому Величеству с благоговением изъявляющих свои всерадостныя и благодарныя чувства 1787 года».

Литература

Башкина 2022

Башкина Т., *Усадьба Вышеславцевых. Петрушино, Алексинский уезд* (<https://proza.ru/2022/08/20/1174>).

Богданова, Зеленина 2019

Богданова Т. А., Зеленина Я. Э., Платон, *Православная энциклопедия*, Москва, 2019, 56, 642–653.

Зорин 2016

Зорин А., *Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века*, Москва, 2016.

Кислова 2015

Кислова Е. И., Французский язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Серия 3: Филология*, 2015, 4/44, 16–34.

— 2016

Кислова Е. И., Из истории лингвистической компетенции духовенства XVIII в.: учителя европейских языков в русских семинариях, *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2016, 2, 63–78.

Никольский 1898

Никольский П., *История Воронежской духовной семинарии. Часть 1*, Воронеж, 1898.

Савелов 1908

Савелов Л. М., *Опыт родословного словаря русского древнего дворянства. Родословные записи Леонида Михайловича Савелова*, Москва, 1908.

Словарь, 1–2

Словарь русских писателей XVIII века, 1–2, Ленинград, 1988.

Смирнов 1867

Смирнов С., *История Троицкой лаврской семинарии*, Москва, 1867.

Смолич 1997

Смолич И. К., *Русское монашество, 988–1917*, Москва, 1997.

Сорина 1999

Сорина Х., Очерк социально-экономической истории г. Вышнего Волочка во второй половине XVIII — начале XIX века, *Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах*, 1999, 33, 80–91.

Сперанский 1892

Сперанский И., *Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ со времен основания семинарии до ее преобразования по Уставу 1867 года (1728–1868 г.)*, Смоленск, 1892.

Строев 2000

Строев А.Ф., *Авантюристы Просвещения*, Москва, 2000.

Ступкин 2006

Ступкин Е. И., Отработать лутчею работаю..., *Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах*, 2006, 9, 35–46.

Храповицкий 1787

Храповицкий А. В., *Журнал высочайшаго путешествия ея величества государыни императрицы Екатерины II. самодержицы всероссийской, в полуденныя страны России, в 1787 году*, Москва, 1787.

Шмурло 1888

Шмурло Е., *Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804*, С.-Петербург, 1888.

References

Bogdanova T. A., Zelenina Ya. E., Platon, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, Moscow, 2019, 56, 642–653.

Kislova E. I., The French language in Russian seminaries of the 18th century: From the history of cultural contacts, *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii III: Filologiya*, 2015, 44, 16–34.

Kislova E. I., From the History of Linguistic Competences of the 18th Century Clergy: Teachers of Foreign Languages in Russian Seminaries, *Lomonosov Philology Journal*, 2016, 2, 63–78.

Smolich I. K., *Russkoe monashestvo, 988–1917*, Moscow, 1997.

Sorina Kh., Ocherk sotsial'no-ekonomicheskoi istorii g. Vyshnego Volochka vo vtoroi polovine 18 — nachale 19 veka, *Vyshnevolotskii istoriko-kraevedcheskii al'manakh*, 1999, 33, 80–91.

Stroev A. F., *Avantiuristy Prosveshcheniia*, Moscow, 2000.

Stupkin E. I., Otrabotat' lutchieu rabotaiu..., *Vyshnevolotskii istoriko-kraevedcheskii al'manakh*, 2006, 9, 35–46.

Zorin A., *Poiavlenie geroia. Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa 18 — nachala 19 veka*, Moscow, 2016.

Екатерина Игоревна Кислова, кандидат филологических наук,

доцент Школы филологических наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1

Россия / Russia

ekislova@hse.ru

Received September 13, 2025

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Автобиография Антуана Оренова (лат.).
РГБ, ф. 757, к. 49, ед. хр. 1, л. 37.

Nota *Exposna* *de* *Antonijs* *de* *Commercy*
 febr. 25 2j 1786. 378

Antonijs Orenovius statione gallus ex Languedocia
 undus patrem habuit Henricum Orenovium ex nobili stirpe
 tum, interim tamen omnibus hominibus similem
 Antonius de quo hic quæstio est juvenilem ætatem sicuti
 riqve sui Generis puerilitatibus contextam in studiis pere-
 Universitates sequentes & extra Galliam Lausanensem
 elbergensem, Basiliensem, et Franqueranam ultimo
 intavit, um in Gallia tam in Universitate monpeltiensi
 parisiensi antea diversis partibus scientiarum operam
 t. Franquera frisorum theologia in specie studuit et hæc absoluta
 Reformatorum Consecratus, hoc officio ~~per~~ ^{semper} functus
 et Petropoli. in Russia ceterum tempus suum instructio-
 et nunc Lavra Troia, quantum potest, et honesto ~~vivendi~~
 rorum docet, Docet Alumnos, de quibus ex animo optimos
 at progressus.

etatescos, et cetera, et um extraneas frequentavit in univer-
 sitates, Lingvas germanicam, Hollandicam
 et alias sicuti hic rutenicam addiscere debuit

2. Отчет Михаила Вышеславцева о преподавании французского языка.
РГБ, ф. 757, к. 53, ед. хр. 5, л. 40об.

Dans ces deux mois la classe françoise avoit suivantes occupations: Nous avons traduits de françois en Russe un sermon de M. Saurin, sur le délai que Dieu accorde aux pécheurs, & après nous l'avons expliqué selon les règles de la grammaire. De Russe en françois j'ai traduit avec les étudiants quelques piéces choisies de livres modernes; outre cela je les ai exercé dans la composition. Les succès qu'ils font dans cette langue méritent la louange.

La classe de la langue Allemande avoit suivantes occupations: — J'ai traduit avec les étudiants de ce langue en notre, le poëme de célèbre Bellert, intitulé: le Breétien; et De Russe en Allemagne les morceaux intéressants que je choisissoit des diverses livres. J'ai expliqué la Syntaxe et je les exercé aussi dans la composition. — Les Étudiants qui apprennent cette langue méritent par leur application & leurs succès l'approbation.

Précepteur de la langue françoise et Allemande Michel
Vysheslavtsov.

3. Речи на французском и немецком языках, предположительно написанные М. Вышеславцевым. РГБ, ф. 173.III., д. 186, л. 12–13.

12

Très Auguste Souverain!

Le sanctuaire consacré aux sciences, honoré de l'Auguste
présence de Votre Majesté semble représenter à nos yeux
la sainte Maison où les Apôtres étoient assemblés pour re-
cevoir le Saint Esprit. Ces hommes divins elevoient vers le
ciel leurs yeux et leurs mains en l'attendant avec un
desir mêlé de joie & de crainte: L'Esprit saint descend,
quel changement! leur esprit s'éclaircit, leur cœur s'enflam-
ment de l'amour de Dieu et leurs bouches eloquentes prêchent
par tout le monde le nom de Jesus Christ. Ses très fideles
& très respectueux Sujets assemblés dans ce lieu adressoient
au ciel le vœux les plus ardens, a fin qu'il nous accorde
le bonheur de voir Votre Auguste personne; le ciel est fa-
vorable à nos prieres, a Votre présence nos faibles esprits
s'éclaircissent, nos cœurs sont devenus autant d'autels où
fumera un éternel parfum, image de notre veneration &
de notre profonde soumission pour Votre Majesté, nos
faibles vœux publieront par toute la terre Vos bontés malor-

ich hab' bekommen, Die, im Engherzen' ichon Knist, Die,
 die Gulten zu Jesus, die nicht wider, das Komma. Alle
 insonder Engherzen' sollu' Dinnu' Ruffu' gualt'igt' sein.
 Hellig' Verh'f'ung! die sagt' mich' nicht' Minner' g'g'nd'it: no-
 ch' ab' nich', die ichon' Verh'f'ung, die ichon' Verh'f'ung' die ichon'
 die Gulten.

Δία άρασσα, γ'ην μιντε, μεγα' ανδρος υιαν
 το' Σαουω' πορευο' γαίλων' τε β'ολταω'!
 Δίκαιον' ανταγοι'ομεν' άγ'ρα, ο'ς' μαλα' γ'ογα'
 Προδ'οτεοι' αγα'δη' τοι' μ'επο'σ'ω' υιοι'ς.
 Αυλα', Δία' άρασσα, Σε' γ'ω'ς' υιο'σ'ω'ν, - άγο'σ'ω'ν.
 Εδ'ω'ν' γ'α'ρ' υ'σα' σο'γη', τη' σο'γη'ν' υ'γο'σ'ω'ν
 Η'κασ' τη' τε' γ'ε'γ'αρ'ω'σ'ω'ν, τα'ς' τε' ρ'ο'σ'ω'ν,
 τα'ς' τε' ε'ρι' γ'ο'σ'ω'ν' η'κασ' ε'υ'α'σ'ω'ν.
 Αλα', η' λα'υ'λα' γ'ο'σ'ω'ν, - Εδ'ω'ν' και' ε'υ'α'σ'ω'ν η'δε'ς
 Ε'ο' ευ'χ'ων' Μ'α'σ'ω'ν, γ'ο'σ'ω'ν' σ'κε'πω'σ'ω'ν
 τα'ων. - ανδ'ος' ο' υ'π'η'μ'ω'ν' ανταγοι'ον' Σε',
 Δ'ω'ν' τε' κ'ρα'λο'ς' κ' α'δα'υ'α'λο'ν' ο'β'ε'ω'ν.